

-
- Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М.: Наука, 2006.
- Инновационная экономика / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Наука, 2005.
- Киселева В.В., Колосницына М.Г. Государственное регулирование инновационной сферы. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2010): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Маросейка, 2011.
- Миронова И.А. Оценка внешних эффектов в расчетах общественной эффективности крупных инвестиционных проектов строительства и реконструкции участков железной дороги // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 4. С. 200–217.
- Никконен А. Венчурная индустрия в России. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика. М.: Экономика, 2000.
- Полтерович В. Принципы формирования национальной инновационной системы // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 11.
- Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов в условиях риска и неопределенности (теория ожидаемого эффекта). М.: Наука, 2002.

Рукопись поступила в редакцию 5.05.2016 г.

РОССИЙСКИЕ ЕСТЕСТВЕННЫЕ МОНОПОЛИИ И ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ¹

Е.М. Васильева, В.Б. Васильев

В рамках развития законодательной базы реформ российских естественных монополий представлен дискуссионный вопрос о соотношении двух федеральных законов: Закона о естественных монополиях и Закона о защите конкуренции. С позиций междисциплинарного подхода (на стыке экономических и юридических наук) рассмотрены понятия естественной монополии и конкуренции, характеристика доминирующего положения хозяйствующего субъекта, методы формирования реестра естественных монополий, их нормативной и поведенческой идентификации.

Ключевые слова: естественные монополии, субаддитивность совокупных издержек, конкуренция и конкурентоспособные рынки, доминирующее положение, экономическая концентрация, нормативная и поведенческая идентификация.

ВВЕДЕНИЕ

Судя по научным публикациям и обсуждениям, а также дискуссиям в СМИ, вопросы анализа современных реформ российских естественных монополий не теряют актуальности. Нетрудно заметить, что акценты подобного анализа смещаются прежде всего в сторону реформы законодательства в рассматриваемой сфере как институциональной основы деятельности указанных экономических

© Васильева Е.М., Васильев В.Б., 2016 г.

¹ Работа выполнена частично при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00229).

субъектов и принятия мер по государственному управлению ими. Общая для многих обсуждений тема – соотношение двух важнейших федеральных законов: Закона о естественных монополиях (Федеральный закон..., 1995) и Закона о защите конкуренции (Федеральный закон..., 2006) (далее для краткости будем называть их Законом о монополиях и Законом о конкуренции).

Рыночные реформы в стране идут более 25 лет, но само понятие «естественная монополия» было легализовано только в 1995 г. в связи с выходом Закона о монополиях. Закон содержит формулировки основных понятий, а главное – определение естественной монополии, регламентирует перечень соответствующих видов деятельности, подходы к государственному регулированию, методы установления тарифов, функции надзорных органов и т.п. На протяжении двух десятилетий этот закон дорабатывается, в него и в настоящее время вносятся изменения и дополнения – последняя редакция насчитывает 19 изменяющих документов и поправок. Можно считать, что этот закон содержит как правила государственного регулирования естественных монополий, не позволяющие им ущемлять общественные интересы в стремлении к высокой коммерческой эффективности при использовании монопольной власти, так и меры по сохранению целостности естественных монопольных субъектов, поддержке режимов их эффективного функционирования.

В отсутствие специальных регулирующих воздействий естественная монополия стремится превратиться в монополию обычную, которая и при осуществляемых условиях тарифного регулирования со стороны антимонопольных служб может достигать высокой коммерческой эффективности, зачастую в ущерб эффективности общественной.

Закон о конкуренции появился в 2006 г., в его основу был положен соответствующий Федеральный закон о конкуренции 1991 г. Современная редакция этого закона (с изменениями и дополнениями) содержит определения

конкуренции, доминирующего положения экономического субъекта на рынке, регламентирует методы мониторинга экономической концентрации, способы демополизации рынков, превращения конкуренции из потенциальной в реальную и т.п. и в целом представляет юридическую базу антимонопольного регулирования для соответствующих государственных органов исполнительной власти.

Закон о монополиях и Закон о конкуренции пересекаются по целому ряду ключевых пунктов, порождая в том числе разнообразные противоречия и коллизии, а неоднозначность толкования положений федеральных законов находит отражение как во множестве примеров судебной практики, в том числе приводимых в постатейных комментариях (см., например: (Петрусева, Кайль, 2009; Головин, 2015)), так и в соответствующем отраслевом законодательстве и его правоприменении (см., например: (Коржов, Петрусева, 2013)). Основное направление научной дискуссии по соотношению этих двух законов (см., например: (Тормагова, 2012; Косинов, 2015)) – сохранить специальный Закон о монополиях или отменить, включив его важнейшие статьи в более общий Закон о конкуренции.

В связи с этим, используя междисциплинарный подход и некоторые модельные построения, остановимся на следующих вопросах (не претендуя, разумеется, на их исчерпывающее рассмотрение в рамках короткой статьи):

- 1) о соотношении понятий естественной монополии и конкуренции;
- 2) о законодательных формах защиты конкуренции, характеристиках доминирующего положения и экономической концентрации;
- 3) о юридических и экономических подходах к формированию реестра естественных монополий, их нормативной и поведенческой идентификации.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ И КОНКУРЕНЦИИ

В специальном Законе о монополиях, который создал особый (по сравнению с мировой хозяйственной практикой) юридический прецедент уже самим фактом своего появления в корпусе законов, сопровождающих российские рыночные реформы, определение естественной монополии выделяет в качестве ее характеристического признака снижение средних издержек по мере роста объемов выпуска. Другой существенный момент заключается в том, что это определение напрямую противопоставляет естественную монополию и конкуренцию, ссылаясь прежде всего на безальтернативность способов производства товаров или услуг, характеризующихся, как правило, малой эластичностью спроса. Соответствующие текстовые фрагменты, отраженные в законе, не только допускают неоднозначную трактовку, но и содержат прямые ошибки, выявленные современной теорией отраслевых рынков (Баумоль, 2003; Baumol, Panzar, et al., 1982), в значительной степени воспринятой мировой управленческой практикой².

Так, в рамках теории, созданной в 1980-е гг., естественная монополия определена как наиболее эффективная бизнес-структура, состоящая из одной-единственной фирмы и обеспечивающая минимизацию (по числу фирм-производителей) совокупных издержек при каждом фиксированном объеме спроса³. Было доказано, что рост средних издержек в определенной степени может и не противоречить существованию естественно монопольной технологии, и что наиболее существенным признаком (необходимым усло-

² Обширную библиографию по этому вопросу можно найти, например, в (Васильева, 2008).

³ Эта прозрачная конструкция математически отвечает свойству субаддитивности функции совокупных издержек, и его проверка составляет суть нормативной идентификации естественной монополии.

вием) является экономия от структуры, а вовсе не экономия от масштаба, тесно связанная со снижением средних издержек, но не тождественная ему.

На практике определение экономической целесообразности существования той или иной отраслевой структуры – при анализе ее посредством измерения уровня совокупных издержек – предполагает целый ряд уточнений и связано со многими ограничениями. Оценки могут различаться в зависимости от того, с чьих позиций и в чьих интересах производится оптимизация издержек, как определены состав и структура затрат, какие цены использованы в расчетах, каким способом учтены амортизационные отчисления, затраты будущих периодов, внешние эффекты и т.п. Оптимальность идентифицируемой отраслевой структуры зависит и от того, в какой мере и какие экстерналии удастся учесть. Очевидно, немалую роль играет полнота учета всех влияющих факторов, составляющих издержек не только производственных, трансформационных ресурсов, но и трансакционных. Чтобы включить экстерналии в функцию или квазифункцию издержек естественной монопольной компании, можно перейти к обязательному представлению отрасли в виде многопродуктовой. Поскольку инструменты теории полностью обеспечивают нормативную идентификацию через детерминанты многопродуктовой функции издержек, предлагается дополнять эти издержки стоимостными оценками составляющих внешних (положительных и (или) отрицательных) результатов, как если бы эти результаты в соответствующих единицах могли быть включены в перечень координат многопродуктового вектора выпуска продукции (услуг). Некоторые внешние эффекты, напротив, могут рассматриваться как расходы дополнительных видов ресурсов на выпуск продукции (услуг). В таком случае они могут войти в процедуры нормативной идентификации только через цены на такие ресурсы. Поскольку перечень внешних эффектов определяется целым рядом факторов для каждой конкретной задачи

идентификации, и прежде всего отраслевыми особенностями технологии и характером спроса на продукцию, оценки внешних эффектов представляют собой самостоятельную и сложную, не полностью формализуемую задачу и могут производиться с использованием эвристики и экспертных подходов.

В рамках указанной теории (а затем при определенных условиях и на практике проведения реформ за рубежом) также было показано, что в рыночных средах несовершенной конкуренции, содержащих одну или несколько крупных фирм и обладающих определенными свойствами (прежде всего, в идеальной конструкции – беспрепятственностью входа и бесплатностью выхода), могут существовать – в качестве равновесных – особые, устойчивые цены на продукцию естественной монополии (так называемые *undominated prices*). При этих ценах обеспечиваются режимы безубыточности по каждому из производимых продуктов, причем из соображений сохранности бизнес-структуры, отвечающей условиям субаддитивности издержек, естественному монополисту нецелесообразно назначать цену на свою продукцию выше уровня «второго наилучшего». Сочетание этих условий является весьма нетривиальным моментом, особенно проблематичным в динамике, так как при расширении ключевых мощностей вполне обоснованно уже в следующем временном периоде могут появляться цены на продукцию естественной монополии, отличные от устойчивых и нарушающие свойства «undominated prices». Однако было выяснено, что если создавать посредством внешних, например со стороны государства, управляющих воздействий специальную рыночную среду, неустойчивая во времени естественная монополия может сохраняться.

Создание также во второй половине XX в. теории рынков типа «contestable» и разработка более широкой типологии конкурентных сред с включением специальных типов конкуренции, совместимых с естественной монополией, позволили говорить о ней как о вполне конкурентном экономическом субъек-

те, прежде всего основываясь на его ценовом поведении⁴. Разделение на конкуренцию «на рынке» и конкуренцию «за рынок» оказалось весьма конструктивным приемом, например, при разработках схем франшизного ценообразования, хотя и при их реализации необходимы регламентирование процедур открытых торгов и контроль со стороны государства.

Однако из отсутствия противоречия между естественной монополией и конкуренцией в указанной трактовке не следует, что естественная монополия в ее современном представлении должна рассматриваться как хозяйствующий субъект, подпадающий в первую очередь под юрисдикцию Закона о конкуренции. Во-первых, естественно монопольные рынки – это рынки конкурентоспособные, т.е. способные функционировать эффективно в определенных институциональных рамках, создаваемых регулятором – государством. Так что если соответствующие условия для естественной монополии будут создаваться государством, то необходимости защищать такую (совместимую с естественной монополией) конкуренцию от монополии, управляя ею с позиций антимонопольного Закона о конкуренции (который реализуется этим же регулятором-государством), просто не будет. Во-вторых, как правило, с естественными монополиями связывают сети физической природы (транспортные, электроэнергетические и т.п.), обладающие значительной технологической спецификой и в деятельности, и в процессах развития, к тому же имеющие большое социальное, оборонное и другое значение, так что управление ими в масштабах национальной экономики также весьма специфично. Достаточно сказать исходя из опыта российских реформ, что ценовое регулирование, направленное на установление сбалансированных и эффективных цен доступа к сетевым объектам, а также структурное регулирование, направленное на повышение эффективности естественно монопольного ядра, подлежат

⁴ Подробнее об этом см., например: (Белоусова, 2008, 2014).

обоснованной критике по многим аспектам, по которым имеют место серьезные и пока еще не решенные проблемы для государственного управления, законодательных и исполнительных служб. И наконец заметим, что в Законе о конкуренции, для которого определение конкуренции должно служить основой, понятие это не только представлено в архаичной и расплывчатой формулировке, справедливо вызывающей многочисленные критические замечания (см., например: Головин, 2015; Бруско, 2012)), но и сопряжено с понятиями экономической концентрации, доминирующего положения и др. в контексте, который зачастую не соответствует современным представлениям о естественной монополии.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ, ХАРАКТЕРИСТИКАХ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ

За 10 лет, прошедших с момента выхода Закона о конкуренции, появилось много положительных отзывов об этом законе как институциональной основе проведения мер антимонопольного регулирования, формирования оценок эффективности контроля, измеряемой экономией издержек от предотвращения нелегитимных сделок по слияниям и поглощениям, и т.п. Также появилось много работ по анализу достижений отечественного законодательства в направлении развития конкурентного права и т.п. Эта реакция нашла свое отражение не только в научной, но и в учебной литературе (Авдашева, Шаститко, 2008; Конкурентное право..., 2014). Однако и критических комментариев, в том числе по позициям, существенным для государственного управления естественными монополиями, опубликовано немало. Приведем примеры.

В последней редакции Закона о конкуренции (ст. 4) принято такое определение:

«...конкуренция – соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке...» (Федеральный закон..., 2006). При этом в редакции 1991 г. Закона о конкуренции вместо слова «соперничество» было употреблено слово «состязательность». Анализируя приведенное определение как базовую категорию закона, Б. Бруско в статье «Пределы антимонопольного регулирования предпринимательских правоотношений» (Бруско, 2012) справедливо подчеркивает: «Истинной целью конкуренции является повышение качества товара и услуг на рынке и тем самым борьба за потребителя. Непонятно, о каком соперничестве идет речь в законе, на какой результат данное соперничество должно быть направлено. <...> ...конкуренция (соперничество) должна носить ярко выраженный социальный характер. Законодатель, вместо того чтобы определить конкуренцию как процесс экономического состязания участников гражданского оборота, имеющий целью получить преимущества перед потребителем благодаря предоставлению более качественного продукта, определил его как состояние, цель которого – не допустить, чтобы кто-то один влиял на рынок больше других...».

Да и по ряду других формулировок закона можно понять, что основная форма защиты конкуренции – ограничения и запреты. Например, в связи с обсуждением вводимого законом понятия координации экономической деятельности⁵ А.В. Габов, М.А. Егорова и др. в статье «Координация экономической деятельности в российском правовом простран-

⁵ «...Координация экономической деятельности – согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов и не осуществляющим деятельности на товарном рынке, на котором осуществляется согласование действий хозяйствующих субъектов...» (п. 14, ст. 4).

стве» (Габов, Егорова и др., 2015) отмечают, что «...эффективность процессов координации экономической деятельности в большинстве случаев как раз способствует повышению, а не снижению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. В этом смысле понятие “координация экономической деятельности” должно расцениваться в “широком”, а не в “узком” смысле, как это установлено п. 14 (ст. 4) рассматриваемого закона...». И это при том, что согласно нормативным актам координация предпринимательской и иной экономической деятельности как тип поведения является в целом разрешенной. Напротив, следуя формулировкам закона, Габов, Егорова и др. приводят примеры использования в судебной практике критериев («антикартельных», «вертикальных» и «инфраструктурных») для квалификации правонарушений при координации экономической деятельности.

Надо отметить, что за последние годы укрепилось представление о естественных монополиях как об инфраструктурных подсистемах (см., например: (О необходимости реформирования..., 2015)), хотя некоторые исследования показывают, что, например, транспортные сети в условиях перегруженности могут утрачивать естественно монопольные свойства (Белоусова, Бушанский и др., 2013). Соответственно положения закона, содержащие правила по обеспечению недискриминационного доступа к объектам инфраструктуры, действительно предназначены для защиты конкуренции. И в Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (Головин, 2015) подчеркивается, что «...такие правила касаются доступа не только к товарам, производимым или реализуемым субъектами естественных монополий, но и к объектам инфраструктуры, используемым субъектами естественных монополий непосредственно для оказания услуг в сферах деятельности естественных монополий...»; там же указывается, каким образом эти положения находят отражение в соответствующем отраслевом законодательстве. Важно подчеркнуть также, что при фор-

мировании законодательных правил доступа к инфраструктуре особое внимание уделяется информационному аспекту, регламентации раскрытия информации, необходимой для организации процессов взаимодействия с субъектами естественных монополий.

Вопросам соотношения экономической концентрации и конкуренции, мониторинга показателей концентрации и определения доминирующего положения также уделяется существенное внимание в последней редакции закона. Однако приводимые формулировки, касающиеся конкурентных товарных рынков и определения их границ, а также естественно монопольных рынков без учета их специфики (для субъектов, не относимых законодательно к естественно монопольным, и для субъектов, включенных в реестр естественных монополий), показывают, что критерии выявления доминирующего положения назначаются путем указания различных пороговых значений характеристик. Эти значения устанавливаются при перечислении тех или иных ситуаций, относимых к тому же к отраслевому законодательству, и такой подход порождает спорные с юридических позиций прецеденты (см., например: (Головин, 2015; Варламова, Краснова, 2014)).

Действительно, казалось бы, в ст. 5 Закона о конкуренции модифицировано и достаточно детально раскрыто понятие доминирующего положения хозяйствующего субъекта. Это понятие связано и с величинами доли на рынке определенного товара, и с возможностями хозяйствующего субъекта «...оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке...» (Головин, 2015). Но применительно к субъекту естественной монополии вводится норма, при которой его положение признается доминирующим «...на товарном рынке, находящемся в состоянии естественной монополии...», и акцент переносится на определение границ соответствующего товарного рынка. При этом закон допускает доминирование относительно небольших хозяйствующих субъектов с долей рынка менее 35%, если потре-

бители товара имеют ограниченный выбор поставщиков (продавцов) и рынок сильно сегментирован.

Например, небольшой завод – собственник теплосетей, обеспечивающих тепловой энергией городское общежитие, при определенных обстоятельствах вполне может быть признан находящимся в доминирующем положении, если по заявлению жильцов общежития или по собственному желанию администрации завода он включен в реестр естественных монополий, хотя при этом выручка завода от данной деятельности (плата потребителей) может составлять менее 1% от общего размера выручки по всем видам деятельности (Настольная книга..., 2015). Но даже если такой завод не признан теплосетевой организацией и (или) не включен в реестр естественных монополий, он, заключая публичные договоры, подпадает в силу монопольного положения под государственное регулирование тарифов на тепловую энергию. И здесь на практике могут возникать такие коллизии, «...когда владельцы сетей специально не обращаются в соответствующие органы регулирования тарифов, поскольку тарифы на оказание услуг по передаче энергии устанавливаются в размере, не превышающем предельных индексов роста цен. С экономической точки зрения более выгодно взыскивать в судебном порядке затраты на содержание тепловых сетей, которые не ограничиваются никакими предельными индексами...» (Матящук, 2014).

Подобное недобросовестное поведение хозяйствующих субъектов можно предотвращать, если наряду с понятием доминирующего положения вводить законодательные ограничения относительно манипулирования ценами специально для учета специфики рынка электроэнергии и мощности (п. 10 Закона о конкуренции). В работе, посвященной анализу этой проблемы (Косинов, 2015), указывается, что тем не менее в законе нет определения понятия «манипулирование ценами» (понятия нетривиального, как следует из детального рассмотрения), его можно найти только в от-

раслевом законодательстве (прежде всего в Законе об электроэнергетике), да и возможностей полноценно проверять в процессе регулирования обоснованность ценовых заявок на продажу мощности у антимонопольных служб до сих пор нет, поскольку специальная методика такой проверки все еще не утверждена.

Изучение специфики установления границ товарного рынка электроэнергии и мощности показывает, что «...помимо ценовых зон и зон свободного перетока в электроэнергетике используется еще одна категория, которая пока не закреплена в законодательстве... – зоны ограниченной конкуренции... – учитывает... технические и сетевые ограничения на передачу электроэнергии... при определении географических границ товарных рынков – наличие реальной возможности поставить товар на определенный рынок и приобрести электроэнергию именно на нем и отсутствие такой возможности за его пределами...» (Косинов, 2015). Однако, например, в работе А.Н. Варламовой и В.А. Красновой «Формирование оценок эффективности естественно монопольных производственных систем» (Варламова, Краснова, 2014) приведен ряд примеров юридических коллизий между субъектами естественных монополий и антимонопольными службами, связанных прежде всего с тем, что «...согласно законодательству именно наличие доминирующего положения является одним из необходимых условий при доказывании манипулирования ценами...».

В целом с экономических позиций представляется далеко не всегда корректным вводить ограничительные характеристики доминирующего положения, противопоставляя тем самым конкуренцию и концентрацию на рынке. Конечно, в Законе о конкуренции вопросы экономической концентрации в значительной степени освещаются в связи со сделками по слиянию и поглощению, и «...понимание концентрации приближено к понятию перераспределения контроля...» (Авдашева, Шаститко, 2008). Но если рассматривать высокую степень экономической концентрации не как препятствие для развития конкуренции, а ско-

рее как итог взаимодействия хозяйствующих на рынке субъектов в процессе деятельности, ориентированной на повышение эффективности, то достижение доминирующего положения – это положительный результат. Доказано (и для детерминированных, и для стохастических случаев), что на рынках несовершенной конкуренции отраслевая маржа прибыли при определенных условиях будет прямо пропорциональна величине индекса Герфиндаля–Гиршмана (НИ) и обратно пропорциональна коэффициенту эластичности спроса (Хэй, Моррисс, 1999; Авдашева, Шаститко и др., 2007).

ОБОСНОВАНИЯ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ РЕЕСТРА ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ, ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В работах ИСА РАН неоднократно подчеркивалось (см., например: (Белоусова, Васильева и др., 2012)), что вопросы включения хозяйствующих субъектов в реестр естественных монополистов продолжают решаться формально, преимущественно с использованием чисто бюрократических процедур. Считается, что в реестр подлежат включению хозяйствующие субъекты, осуществляющие определенные виды деятельности, относительно которых принято решение о государственном регулировании и контроле, применении специальных методов регулирования. Другими словами, критерием отнесения служит перечисление в Законе о естественных монополиях видов деятельности, подпадающих под государственное регулирование. При этом включение в реестр субъектов естественных монополий осуществляется исполнительными службами на основе анкет и заявлений, причем не по итогам расчетов экономических характеристик деятельности для каждого потенциального естественного монополиста, а в соответствии с принятыми бюрократически-

ми процедурами. Это, в частности, означает, что не все естественные монополисты будут включены в реестр, и могут возникать юридические коллизии различного толка, например при своевольном назначении тарифов на продукцию профильных видов деятельности, подпадающих под юрисдикцию Закона о монополиях, но без учета содержащихся в нем норм ценового регулирования.

Хорошо известно, что в реальности существуют естественно монопольные бизнес-структуры в виде сложно организованных конгломератов, в которых лишь ядро может представлять собой естественную монополию. Еще раз подчеркнем, что естественные монополии способны проявлять различные системные эффекты, прежде всего эффект синергии в виде экономии совокупных издержек, возникающей вследствие особой организации производства услуг на естественно монопольном рынке, оптимизации отраслевой структуры по количеству фирм. Но чтобы корректно сегментировать рынок и выделить естественно монопольное ядро, необходимы специальные процедуры идентификации.

Проблема идентификации естественных монополий, рассмотренная с позиций современной экономической теории, освещена в целом ряде отечественных работ (см., например: (Васильева, 2008; Белоусова, Васильева и др., 2012)). Изложим кратко результаты проведенного в ИСА РАН анализа:

- проблема идентификации естественной монополии, т.е. установления факта наличия наиболее эффективной отраслевой структуры, состоящей из одной-единственной фирмы, должна быть рассмотрена как в нормативном, так и в поведенческом аспектах;
- нормативный аспект идентификации заключается в проверке субаддитивности многопродуктовой функции издержек, однозначно, согласно теории, определяющей технологию производства товаров и услуг;
- для проверки субаддитивности как характеристического свойства естественной монополии имеется система технологических детерминант (показатели экономии от

масштаба, полной и частичной, экономии от структуры и т.п.), так как аналитическая проверка функции издержек обычно недоступна и в прикладном аспекте используются непараметрические и параметрические (в том числе эконометрические) подходы;

- поведенческий аспект идентификации связан с ценовым поведением отраслевой структуры, анализом присущей естественным монополиям ценовой неустойчивости в процессе их развития, сложностями нахождения устойчивых цен, а также социально-оптимальных цен (типа Рамсея–Буато), для определения которых на практике требуется труднодоступная информация об эластичности спроса на продукцию и услуги.

Представляется, что в поведенческом аспекте определение естественной монополии должно включать оценку общественной эффективности деятельности компании с учетом внешних эффектов, и для идентификации деятельности естественной монополии в динамике необходимо использовать инструментарий инвестиционного проектирования с соблюдением принципов оптимизации, прежде всего при выборе критериев, анализе всевозможных сценариев для учета неопределенности и риска, а также субоптимизации ценовых параметров проекта, в том числе тарифов на услуги. Такое уточняющее определение естественной монополии как инвестиционного проекта – с включением обязательной оценки общественной эффективности стратегий ее функционирования и развития – согласуется с представлениями о расширении рамок современной теории, рассмотренными в работе (Белоусова, Васильева и др., 2012), а также не противоречит результатам зарубежных исследований в этом направлении, например, в области телекоммуникации и связи (Gasmi, Laffont et al., 2002).

Таким образом, предлагается для идентификации естественной монополии проверять – как необходимое условие – выполнение свойств оптимальности ее структуры по количеству фирм – производителей промежуточной и конечной продукции (услуг), что

на языке экономико-математических моделей означает, как было указано, необходимость тестирования на субаддитивность многопродуктовой функции издержек. В современной теории разработаны специальные способы тестирования одно- и многопродуктовых функций на субаддитивность. Созданы не только теоретические, но и прикладные модели идентификации, проанализирован также накопленный опыт (преимущественно зарубежный) решения подобных задач при реформировании естественных монополий (Васильева, 2008).

Рассмотрим модельный пример. Обоснование структурных реформ, в рамках которых предусматривается ряд мероприятий по горизонтальным и вертикальным расщеплениям, должно базироваться на проверке условий субаддитивности издержек, точнее, на отрицании выполнения этих условий. И в этом смысле для анализа интегрированных структур и моделирования рациональных способов их расщепления полезно использование многопродуктовых функций издержек с включением в вектор выпуска и конечных продуктов на смежных сегментах рынка, и промежуточных продуктов, возможно, также допускающих на определенном уровне иерархии сегментацию по естественной монопольным и конкурентным, например олигополистическим, рынкам и т.п.

В частности, при обосновании структурной реформы российских железных дорог конкретизация подобных тестов может быть представлена в следующем виде.

Условимся считать, что функция многопродуктовых издержек отвечает единой интегрированной структуре, какой был железнодорожный транспорт общего пользования после начального этапа реформ, в результате которого все хозяйственные функции были отделены от функций государственного управления и в 2003 г. сформировано РАО «РЖД», причем основная часть непрофильных (например, рефрижераторных или ремонтных) предприятий еще не отделялась. Будем также считать, что известны: во-первых, многопродуктовая

функция издержек, соответствующая обобщенной (с той или иной степенью детализации) технологии грузовых и пассажирских перевозок с учетом инфраструктурных, вагонных и локомотивных составляющих производственных затрат, а также управленческих затрат координации подразделений целостного конгломерата; во-вторых, оценки управленческих затрат между отдельными подразделениями и хозяйствами (в соответствующих разрезах), когда имитируется то или иное расщепление единой структуры. Тогда тесты (косвенные, с использованием технологических детерминант) на отрицание субаддитивности совокупных издержек должны прежде всего включать модели оценки экономии от структуры SC (от разнообразия – *economy of scope*). И чтобы обосновать экономическую целесообразность расщепления (при фиксированном объеме спроса), достаточно хотя бы одного отрицательного значения SC при сопоставлении, например, функции издержек $C(y_1, y_2, y_3)$ единой фирмы, выпускающей все три вида продукции (услуг), с суммой функций издержек двух фирм (также в совокупности полностью обеспечивающих объем спроса), одна из которых обеспечивает выпуск первых двух видов продукции, а вторая специализируется только на выпуске третьего вида продукции:

$$SC = \frac{(C(y_1, y_2, 0) + C(0, 0, y_3)) - C(y_1, y_2, y_3)}{C(y_1, y_2, y_3)},$$

т.е. хотя бы для одного из ортогональных расщеплений вектора выпуска (y_1, y_2, y_3) , каждая компонента которого отвечает объему выпуска конечной или промежуточной продукции соответствующего структурного подразделения компании.

Однако при положительном значении технологических детерминант типа SC необходимо проверять запас степени субаддитивности, расточаемый в связи с появлением дополнительных управленческих затрат по подразделениям, преобразуемым в самостоятельные субъекты хозяйствования после,

например, расщеплений вертикально-интегрированных структур по отдельным стадиям производства услуг. К тому же надо учитывать, что проигрыш в издержках при расщеплении вертикально-интегрированных структур, который в теоретических моделях принято называть эффектом двойной маргинализации, отчасти может быть скомпенсирован при некоторых горизонтальных слияниях на определенных технологических уровнях. Такого типа подход может быть использован при моделировании и оценке различных мероприятий структурного реформирования российских железных дорог, в том числе при анализе целесообразности введения института локальных перевозчиков, изменений владельческого и юридического контроля над операторами по погрузке, разгрузке и подаче разных типов специализированного подвижного состава и т.п.⁶ Представляется, что при разработке подобных моделей структурных преобразований железнодорожного транспорта могут быть полезны по содержательным постановкам такие работы, как (Актуальные проблемы..., 2014; Питтман, 2015), а по формализации процедур – такие подходы, как (Плещинский, 2014).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Защита конкуренции от монополии имеет определенный смысл, когда монополия злоупотребляет своей рыночной властью,

⁶ Отметим, что использование модельных расчетов, в том числе при анализе целесообразности отделения инфраструктуры железных дорог от операций по перевозкам и (или) введения института локальных перевозчиков (правда, на основе упрощенных процедур по сравнению с указанными выше более полно аргументированными подходами к идентификации), имеет место в ряде исследовательских работ ВНИИЖТа (см., например: Грановская, Мирошниченко и др., 2014)).

учитывает только свои коммерческие интересы в ущерб интересам общественным, работает неэффективно для экономики и отнюдь не выступает тем локомотивом научно-технического развития, о котором высказывался Й. Шумпетер, оценивая позитивную роль крупных монополий. В этом смысле Закон о конкуренции со всеми его нормами, правилами, методами антимонопольного регулирования необходим. Но защищать конкуренцию от естественной монополии – нонсенс! Не существует противоречия между конкуренцией и естественной монополией, если под конкуренцией понимать состязательный процесс предпринимателей в направлении роста эффективности производства, а под естественной монополией – наиболее эффективную отраслевую структуру. Более того, естественная монополия и сама по себе вполне конкурентна в определенных рыночных средах, совместимых с ней, и это доказанный в теории и известный в практике факт. На создание таких рыночных сред и должно быть в том числе направлено государственное регулирование. Понятно, что для этого также должны существовать специальные регламенты, дисциплинирующие естественную монополию, ограждающие ее целостность и побуждающие работать в эффективных, социально оптимальных режимах. Вот в этом смысле необходим (по крайней мере пока) специальный Закон о естественных монополиях.

Слова в скобках в предыдущей фразе означают, что в настоящее время такой закон упразднить нецелесообразно, несмотря на то что он содержит немало ошибок, допускает неоднозначные трактовки многих положений и действует зачастую нерезультативно. Дело в том, что в нашей стране до сих пор не освоены развитые в зарубежной управленческой практике подходы к установлению факта естественной монополии (ее идентификации), не разработаны методики сегментации естественно монопольных рынков, отделения естественно монопольного ядра от потенциально конкурентных сегментов. И даже ценовое регулирование, которому, казалось бы,

уделяется так много внимания, отражено в Законе о монополиях в усеченном виде. Известно, что естественные монополии неустойчивы в ценовом отношении и, как показывает мировой опыт, под влиянием инновационных и инвестиционных мероприятий могут распадаться на отдельные, также эффективно функционирующие подсистемы.

Но ведь все подобные сугубо специальные вопросы не смогут в ближайшей перспективе получить законодательного решения и поддержки, если их не рассматривать в рамках соответствующим образом корректируемого Закона о монополиях. Напротив, при погружении, как предполагается, его важнейших частей в Закон о конкуренции такого типа вопросы просто окажутся за рамками последнего, и подобная законодательная реформа не только не сможет ускорить выход из кризиса, иницируя опережающее развитие инфраструктурных подсистем, но лишь усугубит отставание в создании современных институтов российской экономики.

Литература

- Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Предварительный антимонопольный контроль слияний: оценка эффективности изменений антимонопольного законодательства // Современная конкуренция. 2008. № 5. С. 15–27.
- Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Камычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта. Предварительный антимонопольный контроль слияний // Экономический журнал ВШЭ. 2007. № 11 (3). С. 381–424.
- Актуальные проблемы экономики железнодорожного транспорта и пути их решения: сб. тр. ученых ОАО «ВНИИЖТ» / под ред. О.Ф. Мирошниченко. М.: ВМГ-Принт, 2014.
- Баумоль У.Дж. Состязательные рынки: мятеж в теории структуры отрасли // Теория отраслевых рынков. Вехи экономической мысли / под

- общ. ред. А.Г. Слуцкого. СПб.: Экономическая школа, 2003. Т. 5. Вып. 27. С. 110–140.
- Белоусова Н.И.* Практика проведения реформ и теоретические модели государственного регулирования естественных монополий. М.: Либроком, 2008.
- Белоусова Н.И.* Анализ экономических барьеров при развитии конкурентоспособных естественно-монопольных рынков // Сб. научных трудов VIII Международной школы-семинара «Анализ, моделирование, управление, развитие экономических систем» (АМУР-2014). Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2014. С. 28–32.
- Белоусова Н.И., Бушанский С.П., Васильева Е.М.* Моделирование оценок перегруженности транспортной сети и вариантов ее развития // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 48 (351). С. 16–23.
- Белоусова Н.И., Васильева Е.М., Лившиц В.Н.* Модели идентификации естественных монополий и государственного управления ими (возможности расширения классической теории) // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 3. С. 64–78.
- Бруско Б.* Пределы антимонопольного регулирования предпринимательских правоотношений // Право и экономика. 2012. № 8. С. 75–78.
- Варламова А.Н., Краснова В.А.* Правовые проблемы борьбы с манипулированием ценами на рынке электроэнергии и мощности // Закон. 2014. № 3. С. 116–132.
- Васильева Е.М.* Формирование оценок эффективности естественно монопольных производственных систем. М.: Либроком, 2008.
- Габов А.В., Егорова М.А., Могилевский С.Д. и др.* Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве / Отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015.
- Головин В.Н.* Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (постатейный). 2-е изд. М.: Деловой двор, 2015.
- Грановская Г.А., Мирошниченко О.Ф., Сотников Е.А.* Основные результаты оценки последствий и рисков при отделении части перевозочной деятельности от инфраструктуры ОАО «РЖД» // Актуальные проблемы экономики железнодорожного транспорта и пути их решения: сб. тр. ученых ОАО «ВНИИЖТ» / под ред. О.Ф. Мирошниченко. М.: ВМТ-Принт, 2014. С. 210–216.
- Конкурентное право России: учебник / под ред. И. Артемьева, С. Пузыревского и др. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2014.
- Коржов В.Ю., Петрусева Н.А.* Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (постатейный). Специально для системы Гарант, 2013 // СПС Гарант.
- Косинов В.А.* Федеральный закон «О естественных монополиях» как препятствие к реализации конституционного права на конкуренцию // Современное право. 2015. № 10. С. 62–65 // СПС КонсультантПлюс.
- Матияцук С.* Дайте статус теплосети! // Юрист. 2014. № 16–17 // СПС КонсультантПлюс.
- Настольная книга руководителя организации: правовые основы / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2015 // СПС КонсультантПлюс.
- О необходимости реформирования подходов к регулированию естественных монополий. Меморандум к 10-летию Института проблем естественных монополий // Экономика железных дорог. 2015. № 7. С. 65.
- Петрусева Н.А., Кайль А.Н.* Комментарий к Федеральному закону от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях». Специально для системы Гарант. 2009 // СПС Гарант.
- Питтман Р.* Винават ли стрелочник? Реструктуризация российских железных дорог после десятилетия реформ // Экономика России. Оксфордский сборник. Книга II. Авториз. пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2015. С. 847–887.
- Плецинский А.С.* Вычисляемая модель структурной трансформации вертикально связанных отраслей промышленности // Экономика и математические методы. 2015. Т. 51. № 2. С. 40–59.
- Тормагова Ю.А.* Перспективы отмены Закона «О естественных монополиях»: оценка правовых последствий // Закон. 2012. № 10. С. 47–52 // СПС КонсультантПлюс.
- Федеральный закон от 17.08.1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (с изменениями и дополнениями).

Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изменениями и дополнениями).

Хэй Д., Моррис Д. Теория организации промышленности: в 2 т. СПб: Экономическая школа; СПГУЭиФ; ВШЭ, 1999.

Baumol W.J., Panzar J.C., Willig R.D. Contestable markets and the theory of industry structure. N.Y.: NBJ, 1982.

Gasmi F., Laffont J.-J., Sharkey W. The natural monopoly test reconsidered: An engineering process – based approach to empirical analysis in telecommunications // International Journal of Industrial Organization. 2002. № 20. P. 435–459.

Рукопись поступила в редакцию 27.06.2016 г.

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ НА ОСНОВЕ СИСТЕМНО- СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

*В.Л. Заковоротный, М.Б. Флек,
Е.А. Угнич*

В статье раскрываются особенности системно-синергетического подхода к формированию модели управления предприятием в условиях рынка. Показаны возможности применения синергетического подхода к исследованиям экономических систем. На основе теоретического анализа сложных динамических систем выявлены правила, которые необходимо соблюдать в исследованиях предприятия как системы, где присутствуют процессы самоорганизации. Представлена обобщенная динамическая модель предприятия в рыночной среде. Проанализированы установившиеся состояния предприятия как системы и устойчивость его стационарного состояния.

Ключевые слова: система, системно-синергетический подход, самоорганизация, управление предприятием.

ВВЕДЕНИЕ

Особое значение для любого предприятия имеют обоснованные и эффективные управленческие решения, обеспечивающие его целенаправленное развитие. В условиях современной финансово-экономической нестабильности большинство предприятий сталкиваются с трудностями в повышении эффективности своей деятельности. В первую

© Заковоротный В.Л., Флек М.Б., Угнич Е.А.,
2016 г.